

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ТЫНЯНОВ

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ТЫНЯНОВ

Кюхля

Издательство АСТ
Москва

ВИЛЯ

I

Вильгельм окончил с отличием пансион.

Он приехал домой из Верро изрядно вытянувшийся, ходил по парку, читал Шиллера и молчал загадочно. Устинья Яковлевна видела, как, читая стихи, он оборачивался быстро и, когда никого кругом не было, прижимал платок к глазам.

Устинья Яковлевна незаметно для самой себя подкладывала потом ему за обедом кусок получше.

Вильгельм был уже большой, ему шел четырнадцатый год, и Устинья Яковлевна чувствовала, что нужно с ним что-то сделать.

Собрался совет.

Приехал к ней в Павловск молодой кузен Альбрехт, затянутый в гвардейские лосины, прибыла тетка Брейткопф, и был приглашен маленький седой старичок, друг семьи, барон Николаи. Старичок был совсем дряхлый и нюхал флакончик с солью. Кроме того, он был сластена и то и дело глотал из старинной бонбоньерки леденец. Это очень развлекало его, и он с трудом мог сосредоточиться. Впрочем, он вел себя с большим достоинством и только изредка путал имена и события.

— Куда определить Вильгельма? — Устинья Яковлевна с некоторым страхом смотрела на совет.

— Вильгельма? — переспросил старичок очень вежливо. — Это Вильгельма определить? — И понюхал флакончик.

— Да, Вильгельма, — с тоской произнесла Устинья Яковлевна.

Все молчали.

— В военную службу, в корпус, — сказал вдруг барон необычайно твердо. — Вильгельма в военную службу.

Альбрехт чуть-чуть сощурился:

— Но у Вильгельма, кажется, нет расположения к военной службе.

Устинье Яковлевне почудилось, что кузен говорит немного свысока.

— Военная служба для молодых людей — это все, — веско изрек барон. — Хотя я сам никогда не был военным... Его надо зачислить в корпус. — Он достал бонбоньерку и засосал леденчик.

В это время Устинька-Маленькая вбежала к Вильгельму. (И мать и дочь носили одинаковые имена. Тетка Брейткопф называла мать Justine, а дочку Устинькой-Маленькой.)

— Виля, — сказала она, бледнея, — иди послушай, там о тебе говорят.

Виля посмотрел на нее рассеянно. Он уже два дня шептался с Сенькой, дворовым мальчишкой, по темным углам. Днем он много писал что-то в тетрадку, был молчалив и таинствен.

— Обо мне?

— Да, — зашептала Устинька, широко раскрыв глаза. — Они хотят тебя отдать на войну или в корпус.

Виля вскочил.

— Ты знаешь, наверное? — спросил он шепотом.

— Я только что слышала, как барон сказал, что тебя нужно отправить на военную службу в корпус.

— Клянись, — попросил Вильгельм.

— Клянусь, — неуверенно произнесла Устинька.

— Хорошо, — кивнул Вильгельм, бледный и решительный, — ты можешь идти.

Он опять засел за тетрадку и больше не обращал на Устиньку никакого внимания.

Совет продолжался.

— У него редкие способности, — говорила, волнуясь, Устинья Яковлевна. — Он расположен к стихам, и потом, я думаю, что военная служба ему не подойдет.

— Ах, к стихам, — вскинул брови барон. — Да, стихи — это уже другое дело. — Он помолчал и добавил, глядя на тетку Брейткопф: — Стихи — это литература.

Тетка Брейткопф сказала медленно и отчеканивая каждое слово:

— Он должен поступить в Лицею.

— Но ведь это, кажется, во Франции — Лусее*, — ответил барон рассеянно.

— Нет, барон, это в России, — с негодованием отрезала тетка Брейткопф. — Это в России, в Сарском Селе, полчаса ходьбы отсюда. Это будет благородное заведение. Justine, верно, даже об этом знает: там должны, кажется, воспитываться, — и тетка сделала торжествующий жест в сторону барона, — великие князья.

— Прекрасно, — кивнул барон решительно. — Он поступает в Лусее.

Устинья Яковлевна подумала: «Ах, какая прекрасная мысль! Это так близко».

— Хотя, — вспомнила она, — великие князья там не будут воспитываться, это раздумали.

— И тем лучше, — неожиданно сказал барон, — тем лучше, не поступают, и не надо. Вильгельм поступает в Лусее.

— Я буду хлопотать у Барклаев, — взглянула Устинья Яковлевна на тетку Брейткопф. (Жена Барклая де Толли была ее кузина.) — Ее величество не нужно слишком часто тревожить. Барклаи мне не откажут.

— Ни в каком случае, — отчеканил барон, думая о другом. — Они вам не смогут отказать.

— А когда ты переговоришь с Барклаем, — добавила тетка, — мы попросим барона отвезти Вильгельма и определить его.

Барон смутился.

* Лицей (фр.).

— Куда отвезти? — спросил он с недоумением. — Но Лусее ведь не во Франции. Это в Сарском Селе. Зачем отвозить?

— Ах, бог мой, — сказала тетка нетерпеливо. — Но их там везут к министру, графу Алексею Кирилловичу. Барон, вы старый друг, и мы надеемся на вас, вам это удобнее у министра.

— Я сделаю все, решительно все, — кивнул барон. — Я сам отвезу его в Лусее.

— Спасибо, дорогой Иоанникий Федорович. — Устинья Яковлевна поднесла платок к глазам.

Барон тоже прослезился и разволновался необычайно.

— Надо его отвезти в Лусее. Пусть его собирают, и я его повезу в Лусее.

Слово Лусее его заворожило.

— Дорогой барон, — сказала тетка, — его надо раньше представить министру. Я сама привезу к вам Вильгельма, и вы поедете с ним.

Барон начинал ей казаться институткой. Тетка Брейткопф была маман Екатеринбургского института.

Барон встал, посмотрел с тоской на тетку Брейткопф и поклонился:

— Я, поверьте, буду ждать вас с нетерпением.

— Дорогой барон, вы сегодня ночуете у нас, — сказала Устинья Яковлевна, и голос ее задрожал. — Тетка приоткрыла дверь и позвала: — Вильгельм!

Вильгельм вошел, смотря на всех странным взглядом.

— Будь внимателен, Вильгельм, — торжественно произнесла тетка Брейткопф. — Мы решили сейчас, что ты поступишь в Лицею. Эта Лицея открывается совсем недалеко — в Сарском Селе. Там тебя будут учить всему — и стихам тоже. Там у тебя будут товарищи.

Вильгельм стоял как вкопанный.

— Барон Иоанникий Федорович был так добр, что согласился сам отвезти тебя к министру.

Барон перестал сосать леденец и с интересом посмотрел на тетку.

Тогда Вильгельм, не говоря ни слова, двинулся вон из комнаты.

— Что это с ним? — изумилась тетка.

— Он расстроен, бедный мальчик, — вздохнула Устинья Яковлевна.

Вильгельм не был расстроен. Просто на эту ночь у него с Сенькой был назначен побег в город Верро. В городе Верро ждала его Минхен, дочка его почтенного тамошнего наставника. Ей было всего двенадцать лет. Вильгельм перед отъездом обещал, что похитит ее из отчего дома и тайно с ней обвенчается. Сенька будет его сопровождать, а потом, когда они поженятся, все втроем будут жить в какой-нибудь хижине, вроде швейцарского домика, собирать каждый день цветы и землянику и будут счастливы.

Ночью Сенька тихо стучит в Вилино окно. Все готово. Вильгельм берет свою тетрадку, кладет в карман два сухаря, одевается. Окно не затворено с вечера — нарочно. Он осторожно обходит кровать маленького Мишки, брата, и лезет в окно. В саду оказывается жутко, хотя ночь светлая. Они тихо идут за угол дома — там они перелезут через забор. Перед тем как уйти из отчего дома, Вильгельм становится на колени и целует землю. Он читал об этом где-то у Карамзина. Ему становится горько, и он проглатывает слезу. Сенька терпеливо ждет. Они проходят еще два шага и наталкиваются на раскрытое окно.

У окна сидит барон в шлафроке и ночном колпаке и равнодушно смотрит на Вильгельма. Вильгельм застывает на месте. Сенька исчезает за деревом.

— Добрый вечер. *Bon soir, Guillaume*, — говорит барон снисходительно, без особого интереса.

— Добрый вечер, — отвечает Вильгельм, задыхаясь.

— Очень хорошая погода — совсем Венеция, — говорит барон, вздыхая. Он нюхает флакончик. — Такая погода в мае бывает, говорят, только в високосный год. — Он смотрит на Вильгельма и добавляет задумчиво: — Хотя те-

перь не високосный год. Как твои успехи? — спрашивает он потом с любопытством.

— Благодарю вас, — отвечает Вильгельм. — Из немецкого хорошо, из французского тоже.

— Неужели? — спрашивает изумленно барон.

— Из латинского тоже, — говорит Вильгельм, теряя почву под ногами.

— А-а, это другое дело, — барон успокаивается.

Рядом раскрывается окно и показывается удивленная Устинья Яковлевна в ночном чепце.

— Добрый вечер, Устинья Яковлевна, — вежливо проронил барон. — Какая чудесная погода. У вас здесь Firenze la Bella*. Я прямо дышу этим воздухом.

— Да, — говорит, оторопев, Устинья Яковлевна. — Но как здесь Вильгельм? Что он делает здесь ночью в саду?

— Вильгельм? — переспрашивает рассеянно барон. — Ах, Вильгельм, — спохватывается он. — Да, но Вильгельм тоже дышит воздухом. Он гуляет.

— Вильгельм, — говорит Устинья Яковлевна с широко раскрытыми глазами, — поди сюда.

Вильгельм, замирая, подходит.

— Что ты здесь делаешь, мой мальчик? — Она испуганно смотрит на сына, протягивает сухонькую руку и гладит его жесткие волосы. — Иди ко мне, — говорит Устинья Яковлевна, глядя на него с тревогой. — Влезай ко мне в окно.

Вильгельм, понунив голову, лезет в окно к матери. Слезы на глазах у Устиньи Яковлевны. Видя эти слезы, Вильгельм вдруг всхлипывает и рассказывает все, все. Устинья Яковлевна смеется и плачет и гладит сына по голове.

Барон еще долго сидит у окна и нюхает флакончик с солями. Он вспоминает одну итальянскую артистку, которая умерла лет сорок назад, и чуть ли не воображает, что находится в Firenze la Bella.

* Прекрасная Флоренция (*ит.*).

II

Барон надевает старомодный мундир с орденами, натягивает перчатки, опираясь на палку, берет под руку Вильгельма, и они едут к графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, министру.

Они входят в большую залу с колоннами, увешанную большими портретами. В зале человек двенадцать взрослых, и у каждого по мальчику. Вильгельм проходит мимо крошечного мальчика, который стоит возле унылого человека в чиновничьем мундире. Барон опускается в кресла. Вильгельм начинает оглядываться. Рядом с ним стоит черненький, вертлявый, как обезьяна, мальчик. Его держит за руку человек в черном фраке, с орденом в петличке.

— Мишель, будьте же спокойны, — картавит он по-французски, когда мальчик начинает делать Вильгельму гримасы.

Это француз-гувернер Московского университетского пансиона пришел определять Мишу Яковлева.

Неподалеку от них стоит маленький старичок в парадной форме адмирала. Брови его насуслены, он, как и барон, опирается на палочку. Он сердит и ни на кого не смотрит. Возле него стоит мальчик, румяный, толстый, со светлыми глазами и русыми волосами.

Завидев барона, адмирал проясняется.

— Иоанникий Федорович? — спрашивает он хриплым баском.

Барон перестает сосать леденец и смотрит на адмирала. Потом он подходит к нему, жмет руку.

— Иван Петрович, cher amiral*.

— Петр Иванович, — ворчит адмирал, — Петр Иванович. Что ты, батюшка, имена стал путать.

Но барон, не смущаясь, пускается в разговор. Это его старый приятель — у барона очень много старых прия-

* Дорогой адмирал (*фр.*).

телей — адмирал Пущин. Адмирал недоволен. Он ждет министра уже с полчаса. Проходят еще пять минут. Вильгельм смотрит на румяного мальчика, а тот с некоторым удивлением рассматривает Вильгельма.

— Ваня, — просит адмирал, — походите по залу.

Мальчики неловко идут по залу, пристально смотрят друг на друга. Когда они проходят мимо Миши Яковлева, Миша быстро показывает им язык. Ваня говорит Вильгельму:

— Обезьяна.

Вильгельм отвечает Ване:

— Он совсем как паяс.

Адмирал начинает сердиться. Он стучит палкой. Одновременно стучит палкой и барон. Адмирал подзывает дежурного чиновника и говорит ему:

— Его превосходительство намерен сегодня нас принять?

— Простите, ваше превосходительство, — отвечает чиновник, — его превосходительство кончает свой туалет.

— Но мне нужен Алексей Кириллович, — кипятится, выходя из себя адмирал, — а не туалет его.

— Немедля доложу. — Чиновник с полупоклоном скользит в соседний зал.

Через минуту всех зовут во внутренние комнаты. Прием начинается.

К адмиралу подходит щеголь в черном фраке и необыкновенном жабо, крепко надушенный и затянутый. Глазки у него живые, чуточку косые, нос птичий, и, не смотря на то что он стяннут в рюмочку, у щеголя намечается брюшко.

— Петр Иванович, — говорит он необыкновенно приятным голосом и начинает сыпать в адмирала французскими фразами.

Адмирал терпеть не может ни щеголей, ни французятины и, глядя на щеголя, думает: «Эх, шалбер» (шалберами он зовет всех щеголей); но почет и уважение адмирал любит.

— Вы кого же, Василий Львович, привезли? — спрашивает он благосклонно.

— Племянника, Сергей Львовичева сына. Саша, — зовет он.

Саша подходит. Он курчавый, быстроглазый мальчик, смотрит исподлобья и ходит увальнем. Увидя Вильгельма, он смеется глазами и начинает за ним тихо наблюдать.

В это время из кабинета министра выходит высокий чиновник; он держит в руках лист и выкликает фамилии:

— Барон Дельвиг, Антон Антонович!

Бледный и пухлый мальчик с сонным лицом идет неохотно и неуверенно.

— Комовский!

Крохотный мальчик семенит аккуратно маленькими шажками.

— Яковлев!

Маленькая обезьяна почти бежит на вызов.

Чиновник вызывает Пущина, Пушкина, Вильгельма.

У министра жутковато. За столом, покрытым синей скатертью с золотой бахромой, сидят важные люди. Сам министр — с лентой через плечо, толстый, курчавый, с бледным лицом и кислой улыбкой, завитой и напomaженный. Он лениво шутит с длинным человеком в форменном мундире, похожим не то на семинариста, не то на англичанина. Длинный экзаменует. Это Малиновский, только что назначенный директор Лицея. Он задает вопросы, как бы отстукивая молоточком, и ждет ответа, склонив голову набок. Экзамен кончается поздно. Все разъезжаются. Яковлев на прощанье делает такую гримасу, что Пушкин скалит белые зубы и тихонько толкает Пущина в бок.

III

Девятнадцатого октября Вильгельм долго обряжался в парадную форму. Он натянул белые панталоны, надел синий мундирчик, красный воротник которого был слиш-

ком высок, повязал белый галстук, оправил белый жилет, натянул ботфорты и с удовольствием посмотрел на себя в зеркало. В зеркале стоял худой и длинный мальчик с вылупленными глазами, ни дать ни взять похожий на попугая.

Когда в лицейском коридоре все стали строиться, Пушкин посмотрел на Вильгельма и засмеялся глазами. Вильгельм покраснел и замотал головой, как будто воротник ему мешал. Их ввели в зал. Инспектор и гувернеры, суется, расставили всех в три ряда и сами стали перед ними, как майоры на разводе.

Между колонн в лицейском зале стоял бесконечный стол, покрытый до пола красным сукном с золотой бахромой. Вильгельм зажмурил глаза — столько было золота на мундирах.

В креслах сидел бледный, пухлый, завитой министр и разговаривал с незнакомым старцем. Он осмотрел тусклым взглядом всех, потом сказал что-то на ухо бледному директору, отчего тот побледнел еще больше, и вышел.

Тишина.

Открылась дверь, и вошел царь. Голубые глаза его улыбались на все стороны, шегольской сюртук сидел в обтяжку на пухлых боках; он сделал белой рукой жест министру и указал на место рядом с собой. Нескладный и длинный, шел рядом с ним великий князь Константин. Нижняя губа его отвисла, он имел заспанный вид, горбился, мундир сидел на нем мешком. Рядом с царем, с другой стороны, двигалась белая кружевная пена — императрица Елизавета, и шумел на всю залу ломкий шелк — шла старая императрица.

Уселись. Со свертком в руке, дрожа от волнения и еле передвигая длинными ногами, вышел директор и, запинаясь, глухим голосом стал говорить про верноподданные чувства, которые надлежало куда-то внедрить, развить, утвердить. Сверток плясал в его руках. Он как замороженный смотрел в голубые глаза царя, который, подняв брови и покусывая губы, его не слушал. Адмирал

Пушин стал громко кашлять, Василий Львович чихнул на весь зал и покраснел от смущения. Только барон Николай смотрел на директора с одобрением и нюхал свой флакончик.

«Его величество», — слышалось среди бормотания, потом опять: «его величество», и опять бормотание. Директор сел, адмирал отдышался.

За директором выступил молодой человек, прямой, бледный. Он не смотрел, как директор, на царя, он смотрел на мальчиков. Это был Куницын, профессор нравственных наук.

При первых звуках его голоса царь насторожился.

— Под наукой общежития, — говорил Куницын, как бы порицая кого-то, — разумеется не искусство блистать наружными качествами, которые нередко бывают благовидною личиной грубого невежества, но истинное образование ума и сердца. — Протянув руку к мальчикам, он добавил почти мрачно: — Настанет время, когда отечество поручит вам священный долг хранить общественное благо.

И ничего о царе. Он как бы забыл о его присутствии. Но нет, вот он вполоборота поворачивается к нему:

— Никогда не отвергает государственный человек народного вопля, ибо глас народа есть глас Божий. — И опять он смотрит только на мальчиков, и голос его опять укоризненный, а движения руки быстрые. — Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны укоризна или презрение, хула или нареkanie, ненависть или проклятие? Для того ли должно искать отличий, чтобы, достигнув оных, страшиться бесславия?

Вильгельм не отрываясь смотрит на Куницына. неподвижное лицо Куницына бледно.

Царь слушает прилежно. Он даже приложил белую ладонь к уху: глуховат. Его щеки слегка порозовели, глаза следят за оратором. Министр с кислым, значительным выражением смотрит на Куницына — и искоса на царя. Он хочет узнать, какое впечатление странная речь произ-